

Независимо от того, по какой причине и с какой целью Второй господин Цянь заставил его играть эту пьесу, он обязан был выйти на сцену.

В это время импресарио полностью держал в руках судьбу театральной труппы. Получишь ли ты возможность выступить, станешь ли знаменитым актером — всё зависит от того, даст ли тебе менеджер ту самую миску риса.

Вчера Бай Линъюнь уже убедился в силе Второго господина Цяня — человек он был крайне изворотливый. Если бы Бай Линъюнь сейчас пошел наперекор, боязно было даже представить, что этот выход на сцену станет для него последним.

Без сцены — как зарабатывать на жизнь?

Без денег — как выжить?

Реальность в конечном счете одержала верх над всем остальным.

Театр Восточного предместья, пребывавший в упадке больше года, в этот вечер наконец вернул себе былое величие: огромные красные фонари украсили каждый карниз этого трехэтажного здания.

Ночной рынок у театра, где обычно ютились лишь пара-тройка лотков с вонтонами для припозднившихся прохожих, сегодня стал невероятно оживленным.

Засахаренные боярышники, печеный батат, леденцы, пирожные из бобовой муки — всевозможные закуски и напитки выстроились длинным рядом, центром которого стал сам театр.

Бай Линъюнь в гримерной накладывал грим, а Дай Пэйчуань, примостившись на низенькой табуретке у порога, не отрываясь наблюдал за ним.

Заметив в зеркале глуповатое выражение лица паренька, Бай Линъюнь невольно усмехнулся.

Хоть он и пообещал научить его петь, но, услышав вчера, как тот распевается, пришлось всерьез пересмотреть свои планы.

У человека, который в обычной жизни говорил ясным и звонким голосом, при пении вдруг обнаружилась хрипотца. Бай Линъюнь мог списать это лишь на возрастную мутацию голоса.

— Сяо Чуань, иди скажи Главе труппы Чэню, что я готов, можно начинать разогрев.

— Слушаюсь!

Бай Линъюнь медленно поднялся, придвинулся к зеркалу, чтобы в последний раз проверить свой образ. Убедившись, что всё безупречно, он сделал легкий шаг — его стройная фигура в лазурном костюме, словно перышко, метнулась в изящном сальто. Застыв на месте, он поймал свое отражение: в уголках глаз и изгибе бровей читались одновременно колдовская притягательность и властная стать.

Ударили барабаны, задавая ритм, за ними прозвучали резкие фанфары, сменившиеся дробью малых барабанов и звоном тарелок.

Бай Линъюнь в лазурном головном уборе, в лазурном наряде, с двумя мечами в руках выпорхнул на сцену.

Как только началось представление Пагоды Лэйфэн, зрители в зале остолбенели.

Где же обещанный Сломанный мост? Где Сюй Сянь? Где Госпожа Бай?

В единый миг все, кто пришел слушать привычную оперу, вытянули шеи, уставившись на сцену так, словно глаза вот-вот выкатятся из орбит.

На сцене была не Госпожа Бай, а Сяо Цин — воительница!

Эта постановка Пагоды Лэйфэн, которую исполнял Бай Линъюнь, не была классическим Сломанным мостом. Сценарий переписали: Зеленая змея стала главным действующим лицом.

По сюжету Госпожа Бай заточена Фахаем в пагоде Лэйфэн. Сяо Цин сбегает, отправляется на гору Эмэй, где обретает Божественную жемчужину разбивания пагоды, разрушает магический барьер Фахая и спасает сестру. Семья воссоединяется, но Сяо Цин, истратив все силы в битве с Фахаем, исчезает, словно растворяясь в ветре.

Хотя этот фрагмент Пагоды Лэйфэн был весьма эффектным, его ставили и раньше.

Но прежде Сяо Цин не отводилось столько экранного времени, всё внимание обычно было приковано к Госпоже Бай. Чтобы не выглядеть вычурно, Бай Линъюнь добавил в партию Сяо Цин, которая традиционно была ролью воительницы, серьезные вокальные вставки, что пришлось по вкусу нынешней публике.

Нужно признать, такая адаптация оказалась свежей и успешной — Сяо Цин в Пагоде Лэйфэн стала главной звездой.

Зрители были поражены, а после — глубоко потрясены.

Оказывается, Зеленая змея может быть такой! Оказывается, мастерство владения оружием у господина Бая настолько великолепно!

Когда Бай Линъюнь ушел со сцены, зал взорвался овациями, и ему пришлось несколько раз выходить на поклон.

На сцену полетели цветы — все запасы театра были распроданы подчистую. Те, кому не досталось букетов, бросали носовые платки, а следом — золотые серьги и браслеты.

Такие подношения были небезопасны, но стали характерной чертой той эпохи.

С этого дня господин Бай Линъюнь, исполнив две партии — одну вокальную, другую боевую — в одночасье покориł театральный мир.

Критики в один голос превозносили его как величайшего артиста современности, называя редким талантом, рождающимся раз в сто лет.

Возможно, Бай Линъюнь в своей прошлой жизни получил уже слишком много славы и похвал, поэтому к внезапному взлету отнесся совершенно спокойно.

На следующее утро Чэнь Фушэн с самого рассвета заявился в западный флигель, чтобы передать гонорар за два дня выступлений.

Бай Линъюнь жестом велел Дай Пэйчуаню забрать деньги и на глазах у Чэнь Фушэна запер их в шкаф.

Лицо Чэнь Фушэна дернулось, он отвел взгляд в сторону.

Но комната была крошечной, и даже если глаза он отвел, уши-то остались — по звуку он прекрасно понял, куда именно Дай Пэйчуань положил деньги.

Бай Линъюнь сделал это намеренно, чтобы обезопасить себя. Хотя в последние дни воришки к нему не заглядывали, лучше было перестраховаться.

В эту эпоху деньги зарабатываются нелегко, и позволить кому-то их украсть он не мог. К тому же он не собирался оставаться в этой труппе навсегда, нужно было откладывать на жизнь после побега — или, вернее, после ухода.

Как Глава труппы, Чэнь Фушэн не мог не знать о темных делишках в Шэнфубане.

Теперь, когда он лично видел, куда Бай Линъюнь спрятал деньги, в случае кражи

ответственность ложилась на него. Во-первых, деньги были под замком. А во-вторых, кроме него и Дай Пэйчуаня, место тайника знал только Чэнь Фушэн. Если деньги пропадут, Бай Линъюнь спросит именно с него — кто же еще может быть главным подозреваемым?

Когда Дай Пэйчуань подал Бай Линъюню воду для умывания, Чэнь Фушэн наконец спросил:

— Господин Бай, что изволите играть сегодня вечером?

Бай Линъюнь, стоя у медного таза и закатывая рукава, задумался.

— Пусть Второй господин Цянь решает.

Услышав это, Чэнь Фушэн расплылся в улыбке — он-то боялся, что господин Бай заупрямится и не станет слушать распоряжений Цяня.

— Договорились, сейчас же пойду спрошу Второго господина.

Бай Линъюнь кивнул и бросил взгляд на Дай Пэйчуаня, тот моментально понял намек.

— Глава труппы Чэнь, на улице снег, позвольте, я вас провожу с зонтом.

Чэнь Фушэн радостно согласился, подумав про себя, что Бай Линъюнь стал куда сговорчивее, да и этот глупый мальчишка, который при нем прислуживает, стал гораздо расторопнее.

Позавтракав, Бай Линъюнь надел ватные штаны и куртку, накинул плащ и вышел во двор прогуляться. Услышав доносившиеся из глубины двора распевки, он направился туда.

Задний двор служил тренировочной площадкой для труппы. У трех строений в центре снесли все стены, оставив лишь крышу и несущие балки. Сейчас там три или четыре наставника тренировали десятка полтора подростков.

Завидев Бай Линъюня, все замерли. Мальчишка, который первым отрабатывал удар ногой, резко затормозил, и остальные, не успев остановиться, посыпались друг на друга, словно костяшки домино.

А юноша, распевавший фрагмент из пьесы «Размышления о бренности», от неожиданности сбился, и последняя нота — «Ах, пусть будет так» — сорвалась на фальцет.

Бай Линъюнь не ожидал, что его появление вызовет такой переполох. Он хотел было сказать что-то, чтобы разрядить неловкую обстановку, но открыл рот и понял, что даже не знает, как обратиться к этой толпе.

<http://bllate.org/book/19185/1883626>